

УДК: 94(47).084.6

Комсомольские организации как политический ресурс в коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока

Ульяна Михайловна Андриец,

аспирант Дальневосточного института
управления — филиала Российской акаде-
мии народного хозяйства и государствен-
ной службы при Президенте РФ, Хабаровск.
E-mail: andrietsuljana@yandex.ru

В статье на основе неопубликованных архивных материалов, среди которых имеются и документы первичных комсомольских организаций, рассматривается участие комсомола Дальнего Востока в реализации наиболее драматичного мероприятия политического руководства Советского Союза — коллективизации сельского хозяйства. Выявлено, что комсомол, являвшийся единственной легальной молодёжной организацией, активно использовался властью для решения всевозможных хозяйственно-политических задач. Помимо прочего комсомольские организации были вовлечены в создание обобществлённого сельскохозяйственного производства, а также в наступление на зажиточные элементы деревни. Комсомольской молодёжи в образовании коммун и необоснованном раскулачивании зачастую отводилась роль непосредственного исполнителя, уполномоченного применять принудительные меры в отношении несогласных. С одной стороны, молодые комсомольцы сами являлись частью крестьянского мира, с другой — вынужденно противопоставляли себя ему, ведь именно ВЛКСМ, как помощник и резерв коммунистической партии, должен был принять самое активное участие в коренном переустройстве деревни. Деятельность комсомольской организации в период коллективизации вызвала многочисленные противоречия, которые возникали между крестьянством и комсомольцами, а также внутри самого союза молодёжи. Часть комсомольцев действительно стала опорой партийно-государственной политики, направленной на коллективизацию сельского хозяйства. Однако были и те, кто принял сторону крестьянского сопротивления, выразив несогласие с проводимыми преобразованиями. **Ключевые слова:** комсомол, коллективизация, раскулачивание, колхозное строительство, хлебозаготовки.

Komsomol organisations as a political resource in collectivization of the agriculture in the Far East.

Ul'jana Andriets, Far Eastern Institute of Management — branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russian Federation, Khabarovsk, Russia. E-mail: andrietsuljana@yandex.ru.

The article basing on the unpublished archive materials and documents of the primary Komsomol organisations examines the participation of the Komsomol of the Far East in realization of the most dramatic event of political administration of the Soviet Union — collectivization of agriculture. It is revealed that the Komsomol being the only legal youth organization was actively used by authorities for solving all possible economic and political problems. The Komsomol organizations were involved into socialized agricultural production as well as into the attack of well-to-do farm-style elements. The Komsomol youth had a role of direct executives in the creation of the communes and groundless dekulakization which were authorized to use coercive measures towards those who disagreed. On the one hand, the young Komsomol members were a part of the farming world; on the other hand, they had to oppose themselves forcedly because the All-Union Leninist Young Communist League as the helper and the reserve of the Communist Party of the Soviet Union had to take active part in the radical village transformation. The activity of the Komsomol organization during collectivization provoked contradictions between peasantry and the Komsomol members as well as inside the youth association. A part of the Komsomol members were support of the party and state policy towards collectivization of its agricultural sector. Nevertheless, there were others who took a side of peasant resistance expressing dissent from the reforms.

Keywords: Komsomol, collectivization, dekulakization, construction of collective farms, bread procurement.

Кризис сельского хозяйства, характерный для современной России, заставляет всё активнее обращаться к истории аграрных преобразований, в т.ч. к исследованию коллективизации и её социально-культурных и экономических последствий. Долгое время коренные изменения, которые происходили в сельском хозяйстве СССР, воспринимались как неизбежный и оптимальный вариант переустройства деревни, позволивший государству в кратчайшие сроки совершить индустриальный скачок. Сегодня взгляды на коллективизацию крайне противоречивы и неоднозначны: в современной историографии задаются вопросы о целесообразности этого процесса, о гуманности и цене преобразований, затронувших судьбы миллионов людей. Всё чаще ответить на них пытаются региональные историки, ведь переход на коллективные формы хозяйствования происходил на огромном пространстве, включающем множество различных по социально-экономическим, национальным, культурным характеристикам территорий. В работах дальневосточных историков Е.А. Лыковой, Л.И. Проскуриной, В.Н. Карамана [6; 7; 9; 13] показано, что в 1930-е гг. сельское хозяйство как страны

в целом, так и Дальнего Востока в частности было превращено «в объект административно-командного принуждения и директивного планирования со стороны тоталитаристски ориентированных властных структур», однако «насильственная коллективизация и раскулачивание стали возможными благодаря не только мощи государства и созданной командно-административной системы, но и наличию в деревне социальной силы, поддерживавшей власть» [13, с. 17, 20]. Действительно, в условиях нехватки материальных ресурсов, характерных для страны в период «социалистической модернизации», многократно усилилась роль человеческого фактора, в первую очередь молодёжи как наиболее деятельной, мобильной, творческой части общества. Историк Н.А. Ивницкий охарактеризовал работу комсомольцев в деревне как часть деятельности административно-репрессивного аппарата, обеспечивавшего проведение насильственной коллективизации и раскулачивания [3].

В данной статье рассматривается, какое участие в коллективизации дальневосточной деревни принимал коммунистический союз молодёжи (КСМ) — единственная легальная молодёжная организация в СССР. Автор стремится выявить региональные особенности, формы и методы такого участия, а также проанализировать идеологическую и мировоззренческую неоднородность комсомольцев, задействованных в реализации политики ВКП(б) в области аграрных преобразований. Несмотря на ряд уже существующих важных публикаций, данная тема и её мало изученные региональные аспекты нуждаются в дальнейшем комплексном исследовании. Обращение к истории комсомольской организации имеет практическую значимость для разработки и реализации молодёжной политики в условиях современного общества потребления, требующего от молодых людей — как и при тоталитаризме — решения многочисленных проблем.

На XV съезде ВКП(б), прошедшем в декабре 1927 г., было принято решение о развёртывании коллективизации, задачами которой стали ликвидация мелкотоварного крестьянского хозяйства и создание обобществлённого производства, наступление на зажиточные элементы деревни и поднятие производительных сил бедняцко-средняцких хозяйств. Выбранный курс диктовали важнейшие цели социалистического строительства, стоявшие перед руководством СССР: создание крупного сельскохозяйственного производства, способного обеспечить страну продовольствием; увеличение производства зерна для экспорта, вырученные средства от которого рассматривались как главный источник финансирования индустриализации; обеспечение снабжения городов, быстро растущих в период индустриализации; высвобождение рабочих рук из деревни для промышленного производства за счёт внедрения в сельское хозяйство техники. В процессе коллективизации планировалось доказать преимущество крупных общественных социалистических хозяйств на селе перед индивидуальными.

Массовое создание сельскохозяйственных артелей (колхозов) на основе ликвидации товарных крестьянских хозяйств (кулаков и середняков) началось в апреле 1929 г. В январе 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному

строительству», предусматривавшее добровольное вступление в колхозы, дифференцированный подход к различным группам крестьянства, постепенный переход от начальных форм коллективного хозяйства (товарищества по обработке земли, коммуны) к высшим (сельскохозяйственные артели, колхозы), партийное руководство колхозным движением. К концу первой пятилетки (1932 г.) планировалось осуществить коллективизацию сельского хозяйства в масштабах всей страны [16, с. 85—86].

В мае 1928 г. на VIII съезде ВЛКСМ была разработана программа работы комсомола в деревне, перед ячейками которого в качестве центральный задачи ставилось «участие в производственном кооперировании бедняцких и середняцких хозяйств», в социалистическом переустройстве деревни [15, с. 363]. Постановление ЦК ВКП(б) 1929 г. указало комсомольским организациям на необходимость расширить их деятельность по укреплению и объединению колхозов, увеличению элементов обобществления, очистке колхозов от кулачества [2, с. 138]. В условиях немногочисленности сельских партийных ячеек в дальневосточной деревне огромная работа по коллективизации была возложена на комсомол. «Участие в колхозном строительстве должно стоять в центре внимания всего союза. Строительство новых колхозов, простейших видов производственного кооперирования: машинных, мелиоративных товариществ, товариществ по совместной обработке земли — и перевод их в высшие формы коллективного хозяйствования должно быть важнейшим делом каждой ячейки и организации», — гласило решение второго пленума Хабаровского окружного комитета ВЛКСМ (1928 г.) [10, с. 7]. К июлю 1928 г. в рядах комсомола на Дальнем Востоке насчитывалось 41 242 чел., более половины которых (21 492 чел.) жили и трудились в сельской местности [ГАХК. Ф. П-618. Оп. 1. Д. 104. Л. 183]. Главными задачами сельских организаций комсомола в этом регионе, согласно резолюции V Дальневосточной краевой конференции ВЛКСМ (1931 г.), являлись «борьба за полный охват колхозами всех комсомольцев деревни и за широкий прилив в колхозы единоличных бедняцко-середняцких хозяйств», а также «инициатива и почин в создании новых колхозов на основе полной добровольности» [14, с. 15].

Особенностями социалистического строительства в деревне стали форсированные темпы и жёсткие методы коллективизации, которые осуществлялись на местах в погоне за высокими показателями. Создание колхозной системы зачастую являлось насильственным, не учитывавшим желания крестьян. Добровольность была далеко не главным принципом и для комсомола, задействованного в реализации предусмотренных коллективизацией мероприятий. Отдельные ячейки дальневосточного КСМ, угрожая выселением, закрытием церквей и рынков, лишением дефицитных товаров, насильно загоняли в колхозы бедняков и середняков [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 195. Л. 144]. Обострилась антирелигиозная борьба, доходившая до разрушения церквей. К примеру, в 1929 г. комсомольцы станции Зилово (Читинский округ) обстреляли церковь из винтовки [8, с. 17]. В Сретенском округе представители КСМ с оружием в руках заставляли всех вступать в артели и коммуны, организованные без договорённости

с крестьянством [8, с. 15]. В с. Мелькуново (Владивостокский округ) в коммуны, организованные комсомольцами, людей загоняли силой, под угрозой раскулачивания, у несогласных изымалось всё, в т.ч. посуда и личные вещи [ГАХК. Ф. П-618. Оп. 1. Д. 279. Л. 15, 19].

Для борьбы с зажиточными крестьянами, оказавшими наиболее упорное сопротивление коллективизации, в 1930 г. вышло закрытое постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств» [16, с. 126]. Кулачество делилось на три категории: первая («контрреволюционный актив») подлежала заключению в концлагеря и могла быть приговорена к смертной казни; вторая (активные противники коллективизации) подвергалась выселению в отдалённые районы; третья, включавшая маломощных кулаков, высылалась в пределах района [16, с. 126]. Искусственное разделение на группы и нечёткость, расплывчивость критериев создавали почву для произвола. Комсомольские организации дальневосточной деревни помогали органам ОГПУ и местным властям в составлении списков семей, подлежащих раскулачиванию.

Во Владивостокском округе в 1930 г. из комсомольцев были созданы «ударные бригады по ликвидации кулачества», производившие изъятие хлеба, вплоть до семенного зерна. Крестьянство этого округа грозило перебить весь комсомольский актив, участвовавший в хлебозаготовках, на комсомольцев неоднократно совершались покушения [ГАХК. Ф. П-618. Оп. 1. Д. 279. Л. 15—17]. Представители КСМ включались во вновь созданные комиссии по содействию хлебозаготовкам, где осуществляли активную деятельность по разоблачению «укрывателей излишек». В 1930 г. Михайловский районный комитет ВЛКСМ (Владивостокский округ) издал директиву, согласно которой комсомольцы совместно с правлением колхоза должны были производить обыски у крестьян, обобществлять хлеб, скот, сельхозорудия, изымать продукты, решать вопросы о лишении избирательных прав и исключении из колхозов тех, кто укрывал хлеб и имущество [8, с. 15]. Лёгкая кавалерия, организованная комсомольской ячейкой в с. Дим Михайловского района, производила повальные обыски у зажиточных крестьян, изымая даже продукты питания [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 107]. Наблюдались случаи притеснения не только кулачества, но и середняков, которым комсомольские активисты также регулярно устраивали ночные обыски. В корейском селе Сентухино Владивостокского округа в связи с перегибами, допущенными в ходе коллективизации, из 408 крестьянских хозяйств 136 ушло за границу и в другие районы [ГАХК. Ф. П-618. Оп. 1. Д. 279. Л. 18]. За март — июнь 1930 г. в краевую прокуратуру поступило свыше 5 тыс. жалоб от крестьян на неправильные судебные приговоры, вынесенные в ходе проведения хлебозаготовок и коллективизации [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 1. Д. 573. Л. 118].

Противоречия, вызванные коренными преобразованиями сельского хозяйства, со всей силой проявились на Дальнем Востоке, что обуславливалось особенностями дореволюционного развития деревни в регионе: относительно большой свободой крестьян, не знавших помещичьего землевладения. Кроме того, ещё до 1917 г. в Приамурье и Приморье укрепились частновладельческие хозяйства со значительными площадями па-

хотной земли, широко применявшие передовую сельскохозяйственную технику и наёмный труд [11, с. 162]. На Дальнем Востоке крестьяне являлись более состоятельными, чем в других регионах. Так, в 1927 г. зажиточные хозяйства составляли около 5% по стране в целом, в ДВК же их было 9% [5, с. 183]. Если для крестьян центральной России, которые на протяжении долгого периода истории жили по общинным порядкам, коллективизация в какой-то степени соотносилась с общинным духом, традициями взаимозависимости и взаимопомощи, уравнительной справедливости, то на Дальнем Востоке коллективное земледельческое хозяйство для большинства было глубоко чуждо. В документах многих районных комитетов ВЛКСМ, приступивших к практической реализации переустройства деревни, отмечалось, что стремление дальневосточных крестьян улучшить своё индивидуальное хозяйство имеет массовый характер, в то время как заинтересованность коллективизацией крайне слаба.

Форсирование коренных преобразований и пренебрежение настроениями народа ещё больше обострили социальную ситуацию в деревне. Жёсткая налоговая политика Советского государства, наличие случаев явных перегибов в отношении середняков и даже бедняков во время коллективизации, хлебозаготовок и раскулачивания настроили против партии и комсомола значительную часть крестьян. Люди видели в комсомольцах воплощение ненавистной им политики, поэтому участились нападения на представителей КСМ: имели место убийства, покушения, избиения, анонимные письма с угрозами. В 1930—1931 гг. был отмечен рост повстанческих настроений. Крестьяне бежали в тайгу, где создавали вооружённые отряды, членами которых являлись не только представители зажиточного слоя, но и середняки, бедняки, бывшие красноармейцы и партизаны. В апреле 1930 г. в с. Сиан Зейского района (Амурский округ) недовольство части крестьян вылилось в мятеж под лозунгами «Советская власть без коммунистов!» и «Дать крестьянам свободную жизнь без колхозов!» [1, с. 52]. В Жидкинском районе (Сретенский округ) под лозунгом «Долой колхозы, хлебозаготовки, раскулачивание, иго коммунизма!» действовали отряды недовольных крестьян. В Сретенском округе в 1931 г. по делу об организации восстания было арестовано 180 чел., однако разговоры о восстании, сопротивление при раскулачивании, покушения и теракты в отношении вступающих в колхозы и актива села, в т.ч. комсомольцев, продолжались [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 163]. Упорно распространялись слухи о приходе белогвардейцев и скором падении коммун, в связи с чем люди боялись вступать в колхозы. Со слов крестьянина, участника массового вооружённого выступления в Малетинском районе (Читинский округ), задачей восставших являлось свержение советской власти путём уничтожения коммунистов, комсомольцев, советских работников [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 236]. В ликвидации восстаний совместно с отделами ОГПУ активное участие принимали т.н. группы самообороны, состоявшие из коммунистов и комсомольцев [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 273].

В советской историографии утвердился тезис о безусловной поддержке членами КСМ правительственной политики по коллективизации сельского

хозяйства. Однако документы свидетельствуют о том, что далеко не все комсомольцы приняли курс на сплошную коллективизацию и ликвидацию кулачества. Многие не понимали, как будет развиваться сельское хозяйство в условиях, когда главное внимание уделяется финансированию тяжёлой индустрии, а деревня не только не получает средств, но и облагается всё большими налогами, когда индустриализация проводится за счёт угнетения деревни.

В 1930 г. бюро Сретенского окружкома ВЛКСМ отметило безразличие комсомольцев к коллективизации и указало на то, что они принимают в ней недостаточное участие [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 277]. Наблюдались случаи бегства комсомольцев из колхозов: за первое полугодие 1932 г. в 12 районах ДВК к ответственности привлекли 113 чел., самовольно покинувших колхозы [ГАХК. Ф. П-618. Оп. 1. Д. 104. Л. 329]. Окружные и районные комитеты комсомола регулярно констатировали, что «деревенские ячейки КСМ не повернулись лицом к задачам социалистической реконструкции деревни», и призывали наладить работу и активнее включиться в борьбу за переустройство сельского хозяйства. Таким образом, ответственно к коллективизации относились лишь комсомольские активисты. Большая же часть молодёжи не стремилась принимать деятельное участие в коренных преобразованиях деревни, но, опасаясь исключения из КСМ, не заявляла открыто о несогласии с партийной линией. Однако были и те, кто не боялся правдиво высказывать своё мнение. На второй окружной конференции ВЛКСМ Камчатки в 1933 г. один из делегатов, усомнившийся в возможности построения социализма в СССР, критиковал большевистскую партию во главе со Сталиным за неправильную политику в области сельского хозяйства, обрѣкшую крестьян «на обнищание и голодную смерть» [ГАХК. Ф. П-618. Оп. 1. Д. 104. Л. 328]. Некоторые комсомольцы выступали на собраниях с обвинениями советской власти в целенаправленном разорении деревни, высказывались против колхозного строительства, отказывались от участия в хлебозаготовках, ходатайствовали об освобождении осуждённых крестьян, укрывали хлеб от обложения, агитировали против сдачи хлеба. Читинский окружком отмечал случаи, когда отдельные комсомольцы и целые ячейки голосовали против самообложения, выносили решение не сдавать хлеб, дожидаясь более высоких цен [ГАХК. Ф. П-618. Оп. 1. Д. 104. Л. 194]. В некоторых колхозах при полном согласии комсомольских ячеек часть обмолоченного зерна, подлежавшего сдаче государству, отправлялась на мельницу и перемалывалась. Во Владивостокском округе не все комсомольцы согласились вступать в колхоз, заявив, что политика партии в деревне неверна [ГАХК. Ф. П-618. Оп. 1. Д. 279. Л. 16]. Многие члены КСМ высказывались против существующего деления на бедняков, середняков и кулаков, выступая за сотрудничество всех слоёв крестьянства. Хабаровский окружком ВЛКСМ в 1928 г. отметил, что отдельные комсомольцы и даже некоторые ячейки находятся под влиянием зажиточных крестьян и выступают в защиту кулаков [ГАХК. Ф. П-777. Оп. 1. Д. 128. Л. 269]. Подобные действия подвергались жёсткой критике и резко пресекались руководством ВЛКСМ. В 1929 г. в Хабаровском окру-

ге было распущено семь комсомольских ячеек за открытые выступления против выполнения плана хлебозаготовок [ГАХК. Ф. П-777. Оп. 1. Д. 191. Л. 101]. Во время обследования Амурской организации ВЛКСМ Далькрайком распустил 30 деревенских ячеек, снял с ячейкового руководства около 100 комсомольцев [8, с. 9], которые тем или иным образом пытались противостоят социалистическому преобразованию деревни. В случае невыполнения директивы ВКП(б) о досрочной сдаче коммунистами хлебных излишков партийцы и комсомольцы привлекались к ответственности, исключались из рядов партии и комсомола.

В марте 1930 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении», в котором отмечались нарушения принципа добровольности в колхозном строительстве, погоня за сверхтемпами коллективизации, перегибы в области борьбы с религией, явившиеся тормозом развития колхозного движения. ЦК обязал прекратить практику насильственных методов коллективизации и принудительного обобществления жилых построек, мелкого скота, птицы, исправить ошибки в области раскулачивания и лишения избирательных прав середняков, бывших красных партизан и красноармейцев, привлечь к ответственности тех, кто совершал издевательские выходки в отношении религиозных чувств крестьян [12, с. 154—158].

Райуполномоченный ОГПУ в ДВК констатировал в 1930 г., что одной из причин возникновения антисоветских выступлений являлись перегибы, допущенные при проведении политики ликвидации кулачества, и призвал партийные и комсомольские ячейки принять меры по исправлению ошибок, одновременно обязав эти организации немедленно сообщать о местах появления организованных групп недовольных [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 119]. Райкомам комсомола было указано, что из-за слабой работы КСМ по популяризации социалистического строительства и директив партии в области коллективизации среди крестьян часть из них откликнулась на антисоветскую пропаганду и влилась в ряды восставших, а в отдельных случаях к этим рядам примкнули и комсомольцы. Подчёркивалась необходимость усилить работу КСМ, взяв курс на коренное перевоспитание молодёжи в духе социалистических идеалов и коллективизма [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 274].

С начала 1930-х гг. партийное и комсомольское руководство призвало коммунистический союз молодёжи действовать так, чтобы на основе общественно-политической, массово-воспитательной работы сплотить широкие слои крестьянства и направить их устремления на колхозное строительство. Члены КСМ должны были личным примером показать преимущества коллективного хозяйства перед индивидуальным. Каждого комсомольца, связанного с сельским хозяйством, обязывали вступить в колхоз, отказ грозил исключением из союза.

Коллективизация являлась частью общей программы социалистического переустройства общества. К 1933 г. большинство крестьян, напуганных административными методами и открытым насилием, вступило в колхозы, а сплошную коллективизацию признали в основном завершённой. К началу

1932 г. в крае было создано 1252 колхоза, объединивших 72 732 хозяйства и 50 совхозов [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 1. Д. 573. Л. 21а]. Бедняки ничего не теряли, именно перед ними коллективизация открывала большие возможности, середняки свыклись с новым положением и не решались открыто выступать против власти, сопротивление зажиточных крестьян сломали репрессии. Комсомольцы активно использовались властью для реализации хозяйственно-политических задач, в т.ч. и для реконструкции сельского хозяйства. В этот период молодёжь, состоявшая в рядах ВЛКСМ, окончательно потеряла самостоятельность, зачастую ей отводилась роль непосредственного исполнителя: она создавала коммуны, осуществляла необоснованное раскулачивание, применяла принудительные меры в отношении несогласных. Активно использовалась формула «Кто не с нами — тот против нас»: любые сомнения в целесообразности проводимой политики расценивались как контрреволюционные выпады и сопровождались исключением из организации. Так, в 1931 г. комсомольцы Ханкайской организации Владивостокского округа, заявившие, что «ликвидировать кулака нельзя», и отказавшиеся вступить в колхоз, были незамедлительно исключены из КСМ [ГАХК. Ф. П-618. Оп. 1. Д. 279. Л. 16]. Комсомолец Хабаровской организации сетовал: «Раньше лучше было жить, а как ликвидировали частную собственность, стало хуже. У нас всё построено на насилии и на болтовне». Комсомольцы, слышавшие этот разговор, подали заявление в ячейку, вскоре молодого человека исключили, а материалы на него передали в органы государственной безопасности [ГАХК. Ф. П-967. Оп. 1. Д. 9. Л. 149].

В современной историографии, посвящённой проблемам коллективизации, утвердился термин «крестьянская война», отражающий сопротивление крестьянства социалистическим преобразованиям деревни в 1930-е гг. Факты такого сопротивления мы находим и в Дальневосточном регионе. С 1927 по 1935 г. на Дальнем Востоке было ликвидировано 167 групп численностью 6 тыс. чел. [4, с. 7], активно выступавших против коллективизации. Свободолюбивая дальневосточная деревня, которая в отличие от центральной России не знала помещичьего землевладения и острого малоземелья, имела значительный слой зажиточных крестьянских хозяйств фермерского типа в Приамурье и Приморье, враждебно встретила политику сплошной коллективизации. Именно комсомольская молодёжь оказалась по обе стороны этого противостояния. Деревенские комсомольцы, будучи частью крестьянского мира, разделяя его чаяния и заботы, вынуждены были восстать против него, противопоставить себя крестьянской среде, став участниками коренного переустройства деревни. Некоторые из них действительно верили в коллективизацию и считали, что именно создание колхозов поможет решить продовольственную проблему и обеспечить людям достаток и благополучие, и с рвением и максимализмом, свойственным молодости, участвовали в реализации непопулярных партийно-государственных мероприятий. Но немало было и тех, кто не принял коренную ломку деревни, что во многом было обусловлено сопричастностью комсомольцев крестьянскому миру. Пополнив ряды несогласных с преобразованиями, эта часть разделила участь жертв сплошной коллективизации.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Амурский меридиан страны Комсомолии. Благовещенск: Амурское отделение Хабаровского книжного изд-ва, 1980. 152 с.
2. Документы КПСС о Ленинском комсомоле и пионерии. М.: Молодая гвардия, 1987. 384 с.
3. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М.: Интерпракс, 1994. 267 с.
4. Из истории коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока (1927—1937 гг.): документы и материалы. Хабаровск: Книжное изд-во, 1979. 240 с.
5. Калинина В.Н. Деятельность дальневосточной краевой партийной организации по коллективизации сельского хозяйства и укреплению колхозного строя // КПСС — организатор претворения в жизнь ленинских идей коммунистического строительства на Дальнем Востоке. Владивосток, 1971. С. 181—186.
6. Караман В.Н. В образе врага крестьянин. Политические репрессии против крестьянства (1929—1938 гг.) // Россия и АТР. 2001. № 1. С. 55—64.
7. Караман В.Н. Власть и крестьянство на Дальнем Востоке в 1920-е гг. Институциональные и поведенческие аспекты противостояния // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 130—132.
8. Комсомол Дальнего Востока на социалистической стройке. Хабаровск: Изд-во ДКК ВЛКСМ, 1930. 124 с.
9. Лыкова Е.А. Деревня российского Дальнего Востока в 20—30-е годы XX века: Коллективизация и её последствия. Владивосток: Дальнаука, 2004. 187 с.
10. Материалы и решения 2-го пленума Хабаровского окружкома ВЛКСМ. Хабаровск: Книжное дело, 1928. 137 с.
11. Осипов Ю.Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России 1855—1917 гг. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. 196 с.
12. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение 1930—1940 гг. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2005. 912 с.
13. Проскурина Л.И. Деревня Дальнего Востока в 30-е гг. XX в. // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 16—23.
14. Резолюции V Дальневосточной краевой конференции ВЛКСМ. Хабаровск: Изд-во ДКК ВЛКСМ, 1930. 85 с.
15. Товарищ комсомол: документы съездов, конференций ЦК ВЛКСМ. Т. 1. М.: Молодая гвардия, 1969. 608 с.
16. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. 928 с.
17. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
18. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. *Amurskij meridian strany Komsomolii* [The Amur meridian of Komsomoliya]. Blagoveshchensk, Amurskoje otdelenije Habarovskogo knizhnogo izdatelstva Publ., 1980, 152 p. (In Russ.)
2. *Dokumenty KPSS o Leninskom komsomole i pionerii* [The documents of the Communist Party of the Soviet Union about the Leninist Komsomol and the pioneer movement]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 1987, 384 p. (In Russ.)

3. Ivnitkij N.A. *Kollektivizatsija i raskulachivanije (nachalo 30-h godov)* [Collectivization and dekulakization (the early 1930s)]. Moscow, Interpraks Publ., 1994, 267 p. (In Russ.)
4. *Iz istorii kollektivizatsii sel'skogo hoz'ajstva Dal'nego Vostoka (1927—1937 gg.): dokumenty i materialy* [The history of collectivization of agriculture in the Far East (1927—1937): documents and materials]. Habarovsk, Knizhnoje izdatelstvo Publ., 1979, 240 p. (In Russ.)
5. Kalinina V.N. Dejatel'nost' dal'nevostochnoj krajevoj partijnoj organizatsii po kollektivizatsii sel'skogo hoz'ajstva i ukrepljeniju kolhoznogo stroja [The activity of the Far Eastern regional party organization in collectivization of agriculture and consolidation of the system of collective farms]. *KPSS — organizator pretvorenija v zhizn' leninskih idej kommunističeskogo stroitel'stva na Dal'nem Vostoke* [The Communist Party of the Soviet Union — organizer of implementation of the Leninist ideas of communist construction in the Far East]. Vladivostok, 1971, pp. 181—186. (In Russ.)
6. Karaman V.N. V obraze vruga krest'janin. Politicheskiye repressii protiv krest'janstva (1929—1938 gg.) [A peasant as an enemy. Political repressions against peasantry (1929—1938)]. *Rossija i ATR*. 2001, no. 1, pp. 55—64. (In Russ.)
7. Karaman V.N. Vlast' i krest'janstvo na Dal'nem Vostoke v 1920-e gg. Institutcional'nyje i povedenčeskije aspekty protivostojanija [Power and peasantry in the Far East in the 1920s. Institutional and behavioral aspects of resistance]. *Gumanitarnyje nauki v Sibiri*. 2007, no. 3, pp. 130—132. (In Russ.)
8. *Komsomol Dal'nego Vostoka na sotsialističeskoj strojke* [The Komsomol of the Far East at the socialist construction]. Habarovsk, Izdatel'stvo DKK VLKSM Publ., 1930, 124 p. (In Russ.)
9. Lykova E.A. *Derevn'a rossijskogo Dal'nego Vostoka v 20—30-e gody XX veka: Kollektivizatsija i jejo posledstvija* [The village of the Russian Far East in the 1920s and 1930s of the twentieth century: Collectivization and its consequences]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2004, 187 p. (In Russ.)
10. *Materialy i reshenija 2-go plenuma Habarovskogo okružhoma VLKSM* [Materials and decisions of the second plenary session of Khabarovsk district committee of the All-Union Leninist Young Communist League]. Habarovsk, Knizhnoje delo Publ., 1928, 137 p. (In Russ.)
11. Osipov Yu.N. *Krest'jane-starozhily Dal'nego Vostoka Rossii 1855—1917 gg.* [Old peasant residents of the Far East of Russia 1855—1917]. Vladivostok, Izdatel'stvo VGUES Publ., 2006, 196 p. (In Russ.)
12. *Politb'uro i krest'janstvo: vysylka, spetsposelenije 1930—1940 gg. Kn. 1.* [Politbureau and peasantry: exile, special settlement 1930—1940. Book 1]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005, 912 p. (In Russ.)
13. Proskurina L.I. *Derevn'a Dal'nego Vostoka v 30-e gg. XX v.* [The village of the Far East in the 1930s of the twentieth century]. *Rossija i ATR*. 2006, no. 4, pp. 16—23. (In Russ.)
14. *Rezol'utsii V Dal'nevostochnoj krajevoj konferentsii VLKSM* [Resolutions of the Fifth Far Eastern regional conference of the All-Union Leninist Young Communist League]. Habarovsk, Izdatel'stvo DKK VLKSM Publ., 1930, 85 p. (In Russ.)
15. *Tovarisch komsomol: dokumenty sjezdov, konferentsij TsK VLKSM. T. 1.* [The Komsomol comrade: the documents of the congresses, the conferences of the Central Committee of the All-Union Leninist Young Communist League. Vol. 1]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 1969, 608 p. (In Russ.)
16. *Tragedija sovetskoj derevni. Kollektivizatsija i raskulachivanije. Dokumenty i materialy. T. 2: nojabr' 1929 — dekabr' 1930* [The tragedy of the soviet village. Collectivization and dekulakization: documents and materials. Vol. 2. November 1929 — December 1930]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, 928 p. (In Russ.)